

Мирьяна Новакович

**СТРАХ И
ЕГО СЛУГА**

Перевод с сербского Ларисы Савельевой

Copyright © Mirjana Novaković, 2000.

© Савельева Л.А., перевод, 2013

© ООО «Лемакс», 2013

Содержание

Часть первая: ПОД МАСКАМИ

Глава первая: В ТУМАНЕ

Глава вторая: ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТУМАНЕ

Глава третья: ЛЮБОВЬ – ПРИЧИНА ВСЕХ СТРАДАНИЙ

Глава четвертая: УНТЕР РАЦЕНШТАДТ

Глава пятая: КАЛЕМЕГДАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Глава шестая: МАСКАРАД

Глава седьмая: СПРЯТАННАЯ

Глава шестая: МАСКАРАД (продолжение)

Часть вторая: ПОД МАСКОЙ

Глава первая: ВТОРОЙ ВЫХОД

Глава вторая

Глава третья: РАССКАЗ И РАССКАЗЧИКУ УПРЕК (МОЛЧАНИЕ – ЗЛО)

Глава четвертая: ВЕНСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ

Глава пятая: ДОЛГ ШМИДЛИНА

Глава шестая: О СОБЫТИЯХ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ

Глава седьмая: СПРЯТАННАЯ

Глава шестая: О СОБЫТИЯХ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ (продолжение)

Часть третья: ЦИСТЕРНА

Глава первая: В ГОРОД, ПЕРВЫМ ДЕЛОМ

Глава вторая

Глава третья: ЗВАННЫЕ ГОСТИ

Глава четвертая: ВОДОПРОВОД

Глава пятая: КОНЕЦ РАССКАЗА

Глава шестая: СОТВОРЕНИЕ МИРА

Глава седьмая: СПРЯТАННАЯ

Глава шестая: СОТВОРЕНИЕ МИРА (продолжение)

Моим родителям, Милице и Любише

«Роман не терпит истории»

Лиляна Пешикан Люштанович

Часть первая
ПОД МАСКАМИ

Глава первая

В ТУМАНЕ

– Хозяин, прошу вас выйти, – такими словами мой слуга заставил меня очнуться от легкого сна, в который я погрузился сразу после Петроварадина.

– Колесо треснуло. Нужно поменять, пока совсем не сломалось.

Зевнув, я потянулся и выбрался из коляски. Шестерка запряженных цугом белых лошадей стояла смирно, кучер и слуга возились с запасным колесом. Было холодное утро, похоже, мне так никогда и не понять, почему я вечно даю уговорить себя отправиться в дорогу на ранней заре, ведь я ненавижу зарю. И первые солнечные лучи, что бы они не означали.

Я повернулся на месте на триста шестьдесят градусов, два раза, и установил, что повсюду вокруг на плоской черной земле лежит густой туман. Бескрайняя равнина. Говорят, эта земля плодородна. Для пшеницы.

Кучер подошел ко мне достаточно близко, чтобы я смог почувствовать плохое качество прошлогоднего винограда.

– Сударь, – сказал он, – не могли бы вы присмотреть за лошадьми, пока мы будем менять колесо?

– За всеми сразу? – спросил я.

– Нет, что вы, сударь, нужно просто взять под уздцы коренника.

Разумно сказано. Вчера вечером, когда я его нанял, он показался мне намного глупее. Совершенно очевидно – алкоголь оказывал на него обратное действие, он от него умнел.

– Ты не знаешь меня, – ответил я. – Это правда, я люблю держать под уздцы главаря, но еще больше люблю держать сразу всех.

И стоило мне это проговорить, как издали донеслось ржание лошадей и топот копыт – верные признаки того, что к нам приближается какой-то экипаж. Из-за тумана его не было видно, но он, несомненно, приближался.

Прошло еще некоторое время. Лошади забеспокоились. Слуга вытащил пистолет и зарядил его. Но это было излишним. Среди людей у меня врагов нет. Меня все любят.

И пока я раздумывал о любви, из мглы вынырнула широкая, черно-желтая карета. Тоже запряженная шестеркой. Ее кучер остановил лошадей, дверца с императорским гербом открылась, и из императорской глубины выпрыгнул юноша. Одет он был так же хорошо, как и я. Высокий, широкоплечий. Он поклонился и сказал по-немецки:

– Мы видим, что у вас трудности, сударь. Не можем ли мы быть вам полезны?

– Благодарю вас, почтеннейший молодой человек, но я надеюсь, что мой слуга с кучером сумеют сменить колесо, и мы вскоре продолжим путешествие.

– А куда вы направляетесь, смею полюбопытствовать?

– В Белград.

– Мы тоже. Однако позвольте представиться: я Клаус Радецки, врач, следовательно по особым делам на службе Его императорского величества Карла VI.

– А я граф Отто фон Хаусбург, дальний родственник Его императорского величества. Как странно, что мы с вами здесь встретились. Несколько дней назад в Вене, когда я собирался в дорогу, меня приняли Его императорское величество, однако я ничего не слышал ни о каком следователе по особым делам.

Радецки вдруг забеспокоился. Ему было неприятно, и не из-за того, что он пойман на лжи, а из-за того, что пойман на правде.

– Его императорское величество не хотели бы, чтобы стало известно о моем... точнее, нашем деле, – сбивчиво заговорил он.

– Но ведь вы тут же начали мне рассказывать, не так ли?

– Я... знаете ли... мне трудно объяснить... – среди мучительного замешательства ему вдруг пришла в голову спасительная мысль: – Я сразу заметил ваше сходство с Его императорским величеством и тут же понял, что вы с ним состоите в родстве.

– Я действительно родственник полубрата Его императорского величества, но этот полубрат – внебрачный ребенок, кроме того, с ним, то есть с полубратом, я в родстве по материнской линии, из чего следует, что в кровном родстве с Его императорским величеством я не состою. Равно как и в молочном. Но это не так уж важно. Важно то, что Его императорское величество меня любит и ценит. Я получил титул и земли не по наследству, а благодаря моим личным заслугам в английских колониях.

Радецки не пикнул, его охватил еще больший стыд. Он только озирался по сторонам, должно быть, в ожидании, что из тумана появится спасение. Но спасение не появлялось. Да и как оно могло появиться? К тому же из тумана.

– Ну, раз уж вы мне столько всего рассказали, то можете открыть и цель ваших дел в Белграде. Все, знаете ли, следует доводить до конца. Тем более рассказ.

На несколько мгновений он задумался, а потом храбро сглотнул слюну. Похоже, ее было много, я имею в виду, слюны.

– Граф, – сказал он, – вы и так узнали бы это в Белграде. Я являюсь членом особой комиссии, которую Его императорское величество лично назначил и направил в Белград, чтобы расследовать невероятные и ужасные события, которые имеют место в этой, до недавнего времени турецкой, стране. Со мной еще двое ученых, оба графы.

Наконец-то я схватил удачу за хвост. После всех этих тощих мадьярок в Пеште, умного кучера и сломанного колеса, вот наконец-то хороший шанс! Нужно только сблизиться и подружиться с Радецким, и все, что я хочу узнать, будет мне подано на ладони. Итак, новости все-таки дошли и до самого императора. Значит, не напрасно я отправился в дорогу.

Я кивнул молодому человеку, он повернулся и прыгнул в свою карету. Я снова увидел герб, а потом все растворилось в тумане.

Но не успел затихнуть конский топот и скрип колес, как из тумана появился новый персонаж. Этот был один и передвигался на собственных ногах. Следовательно, был бедняком или болваном. Что, впрочем, одно и то же. По мере его приближения становились видны детали. Он был необыкновенно высокого роста, с длинными светлыми волосами и бородой, в лохмотьях. Еще издали он прокричал:

– Нужна ли вам помощь?

И такой вызвался мне помогать! Похоже, человек с доброй душой, предположил я. Таких в тумане полно. Но я их не люблю. Обычно они не моются, считая чистоту тела неважной. Поэтому от них воняет. Своей вонью они вызывают отвращение у других людей, и те стремятся их избегать. А когда не имеешь дела с другими людьми, добрым быть трудно.

Но меня удивило не предложение этого несчастного, скорее не залатанного, чем залатанного бродяги. Нет, удивил меня язык, на котором был задан вопрос. Это был русский. Я ответил на нем же: – Нет!

А он крикнул: – Брат! – и подбежал ко мне.

Да, от него воняло.

– Я тебе не брат, – сказал я по-русски, вытянув вперед руки и давая ему понять, что он подошел слишком близко. Я знал, русские любят целоваться. Причем троекратно.

– Но вы же русский! – воскликнул он, по-прежнему не скрывая намерения расцеловать меня. – Я Николай Лескович Патков, из Москвы.

– Я – боярин Михаил Федорович Толстоевский, – с особым удовольствием представился я. – А куда вы направляетесь, Николай Лескович?

– В Белград! – отвечал он радостно, непонятно почему.

– В Белград? Из Москвы в Белград? Неблизкий путь.

– Да, сударь мой, путь далекий. Я вышел еще весной. Но путь должно пройти.

Слуга сообщил мне, что колесо заменили, и мы можем двигаться дальше.

– Что ж, Николай Лескович, желаю вам всего самого злого, пардон, доброго, – сказал я и сел в экипаж. Лошади тронулись, а русский продолжал стоять. Этот будет в Белграде не раньше, чем к ужину. Если не заблудится в тумане. А я... хм, мне бы неплохо добратъся до Белграда раньше, чем там окажется комиссия. Я достал из кошелька четыре крейцера, один вернул обратно. И крикнул кучеру:

– Если будем в Белграде раньше той кареты, которая недавно проехала, получишь...

– тут я вернул в кошелек еще один крейцер, – два крейцера.

Послышался щелчок кнута.

Глава вторая

ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТУМАНЕ

Я не был в Белграде годы и годы. И соскучился. Мне было интересно посмотреть, как теперь выглядит этот город, уже двадцать лет живущий под австрийской властью. Последний раз я его видел совершенно восточным, небо тут и там вспарывали минареты, во няло жиром, завывали муэдзины. В Пеште мне рассказывали, что в ходе осады 1717 года Белград был сильно разрушен, но что теперь он укреплен втрое лучше и захватить его еще труднее, чем тогда, когда он был под турками.

Мы уже въехали на Савский мост, но все вокруг оставалось недоступным взгляду. Я высунул голову в окно насколько смог, но города не увидел. Он весь был погружен в густой туман. Только наверху можно было угадать очертания Калемегданской крепости.

Мы остановились, мой слуга обменялся несколькими фразами с городскими стражниками, и вскоре послышался скрип тяжелых ворот. Императорские и другие государственные печати для меня изготовили лучшие мастера-евреи. Они у меня есть всех видов, германских княжеств, итальянских республик, Австрийской и Русской империй, Французского королевства... похоже, как раз эти, французские, мне долго не прослужат.

Я снова был Отто фон Хаусбург, граф.

– Хозяин, – обратился ко мне слуга, – стражники сказали, чтобы мы ехали прямо в резиденцию регента.

Это показалось мне подозрительным, но я только кивнул, и лошади снова тронулись.

Наконец коляска остановилась, подбежали слуги, принялись распрягать. Многообещающая встреча, сказал бы я. Увидев, как мой слуга разговаривает со здешними слугами и как все они крутят головами, я тут же сделал ему знак подойти.

– Что они говорят? – спросил я. Самые важные вещи всегда узнаешь от самых незначительных людей.

– Они говорят, хозяин, что ни в коем случае нельзя выходить из дома после захода солнца.

– Ха, – сказал я, прикидываясь непонимающим, – так же, как и в любом другом городе. Можно подумать, в Пеште или в Вене ночью безопасно ходить по улицам. Повсюду

полно воров и разбойников, а здесь еще и целый гарнизон стоит, и если они напьются и разгуляются...

– Нет, хозяин, они говорят не о солдатах и не о разбойниках, не о тех, кто в любом городе вселяет в людей страх и трепет. Солдаты, конечно, солдаты, но они люди, и разбойники тоже люди, это вы и сами знаете, но то, что грозит из темноты здесь, это нечто другое.

– Какое такое другое?

– Не захотели объяснять. Боятся. Регент не любит, когда об этом говорят.

Естественно, подумал я, естественно не любит, раз это ставит под вопрос его регентство. Но молчание еще никого не спасло, скорее даже наоборот.

Я не стал продолжать разговор об этом, потому что не хотел, чтобы слуга догадался об истинной причине моего приезда сюда. Я никогда ничего ему не доверял.

Услышав, куда мы отправляемся, он загорячился.

– Хозяин, зачем нам в Сербию? Они же там снова воюют с турками.

– Затем, что тебе будет приятно увидеть свою родину.

– Сомневаюсь, хозяин, что вы это ради меня затеяли.

– Что ж, сомневайся на здоровье.

Приходится его терпеть, трудно найти кого-нибудь, кто согласился бы на меня работать. Разумеется, работают на меня многие, да что там многие – почти все, но они работают, сами того не зная. Редко случается, что вознаграждение за труд кто-то получает лично от меня. Однако этот мой серб во всем исключение.

После проигранной туркам войны сербы задали деру, и этот, мой, не мог остановиться до самого Пешта. Там я его и нашел в 1706 году.

Первый раз я увидел его в корчме «У толстого немца». Он был пьян в стельку, но сразу мне приглянулся. Почему – не знаю. У него были умные глаза и красивые руки. На что мне умный слуга с красивыми руками, было непонятно. Второй раз я его заметил перед корчмой «Вторая встреча». Интересно, а почему именно вторая, спросил я себя? Я имею в виду, что мне показалось странным такое название корчмы. Ведь это действительно была наша вторая встреча, и я воспринял это как знамение. И на этот раз не смог устоять. Он снова был пьян, и чтобы поговорить с ним, пришлось присесть на корточки.

– Хочешь на меня работать?

Его ответ прозвучал как выстрел из лучшей австрийской пушки:

– Ты же дьявол!

– Ну и что? Как ты с такими узкими взглядами предполагаешь выжить в современной Европе?

– Какое мне дело до широты взглядов, если я постоянно пьян? – ответил он, и я тут же понял, что имею дело не просто с умным, а с мудрым человеком. Именно таких мне нравится держать в услужении. И я тут же перешел к сути дела. Смыслу жизни.

– Буду платить тебе десять форинтов, если согласишься.

– Вы, раз вы дьявол, должны быть гораздо щедрее.

– Ха! Щедрее! Можно подумать, Беззубый щедр!

– Беззубый?

– Ну да, тот еврей. Сколько вам дал он?

– Ничего не дал, но пообещал много.

– Как тебя зовут, мудрец?

– Я – Новак. Двенадцать форинтов.

– Одиннадцать, – сказал я. – Ты много пьешь.

– Двенадцать, потому что пьяный я умнее.

Мне часто говорят, что уступчивость это один из моих самых прекрасных недостатков. Я согласился, а он тут же брякнул:

– А вот скажите, меня всегда очень интересовало, чем вы, в сущности, занимаетесь?

– Есть семь вещей, которыми я занимаюсь. Ровно семь. И эти вещи идут по порядку, но имей в виду, порядок исключительно важен: гордыня, сребролюбие, разврат, зависть, неумеренность в еде и питье, гнев и уныние, безразличие к вечному спасению.

Вот так я его нанял.

Но это было давно, тридцать лет назад.

В густом тумане все были нерасторопны и рассеяны, так что прошло немало времени, пока я смог войти в резиденцию. Хотя бы там, внутри, не было тумана. В основном там были голые стены, на которых изредка попадались изящные декоративные алебарды, вроде тех, что встречались при саксонском дворе во времена Иоганна Георга I. Не обошлось здесь и без нескольких разукрашенных булав, гусарских сабель, одного боевого топорика, десятка кинжалов, пяти-шести рапир, двуручного меча, который с трудом смог бы поднять даже Геракл, двух ятаганов, трех японских сабель, пары пистолетов Мэрдока и китайской картины с загадочным пейзажем на шелке.

Человека, который меня принял, звали барон Шмидлин. Он был советником администрации. Возраст чуть за сорок, уже лысый, невысокого роста, с «пивным» животиком. Держался он скорее сердечно, чем любезно, и ему не потребовалось много времени, чтобы перейти к делу. А кто спешит, тот, как известно, и ошибается.

– Граф, – сказал он взволнованно, – я знаю, что вас прислали из Вены расследовать ужасные события, которые пугают и мучают подданных Его величества.

Отлично, подумал я, он уверен, что я – императорский следователь по особо важным поручениям. Как ему не пришло в голову, что меня прислали в связи с войной, которую Австрия ведет на юге? После первых побед и взятия Ниша, армия императора терпела одно поражение за другим. Пали Цариброд и Пирот, Ниш был в турецкой осаде.

– Да, – спокойно отвечал я ему, – я императорский следователь по особо важным поручениям, и я ожидаю от вас помощи во всем, с тем, чтобы мы как можно быстрее закончили расследование.

– Я расскажу вам все, что знаю, но, думаю, вы понимаете, что придется самому выйти в город и это увидеть.

– Что – это?

– Это, – повторил он, – то, чему нет названия.

– Хорошо, я выйду, – сказал я, уверенный при этом, что тому не бывать.

– И вы совсем не боитесь?!

– Нет, – ответил я решительно, хотя боялся. Если бы я не боялся, то и не приехал бы в Белград. – А теперь рассказывайте.

– Всему свое время, – почти прошептал Шмидлин. – Мы ждем возвращения регента с охоты в любой момент. Видите, какой туман, охота наверняка была неудачной, а если регент возвращается с пустыми руками, то у него всегда крайне плохое настроение.

– Насколько я слышал, он в крайне плохом настроении постоянно, – я попытался завоевать симпатию Шмидлина.

Он улыбнулся и кивнул головой:

– Да, и еще, прошу вас, не забудьте, он не любит, когда его называют председателем администрации, что и есть правильное название занимаемой им здесь должности. Называйте его регентом Сербии.

– Буду иметь в виду.

– И еще кое-что: сегодня вечером здесь, в резиденции, бал. Вы, разумеется, будете, но прошу вас, ничего не говорите регенту о природе вашего дела здесь. Это вызовет у него одно только раздражение.

– Да, но я императорский...

– Вена далеко, граф, а здесь в темноте происходят ужасающие преступления.

– Хорошо, – я кивнул головой. – Но вам следует знать, что прибывает еще одна комиссия, которой обо мне ничего не известно и которую Его императорское величество направили сюда, чтобы параллельно расследовать это же дело. Они не знают обо мне, потому что я, в частности, должен следить и за ними. Во главе этой комиссии один молодой человек, врач, Клаус Радецки.

– Весьма кстати, – ответил барон, – весьма кстати, что из Вены приедет врач.

Больше он ничего не сказал, но я почувствовал, что ему пришлось себя сдерживать. Как я и ожидал, он оказался настолько любезен, что показал мне, как пройти в приготовленные для меня покои. Войдя в комнату, не слишком роскошную, я улегся на широкую кровать. Я был доволен собой. Заснул, и первые петухи разбудили меня лишь ненадолго.

Глава третья

ЛЮБОВЬ – ПРИЧИНА ВСЕХ СТРАДАНИЙ

– Любовь – причина всех страданий, – шепнула хозяйка бала на ухо одной из своих лизоблюдок. Но я услышал. Вот, значит, почему герцогиня Мария Августа Турн-и-Таксис выглядела такой грустной и отсутствующей. Мучимая старым недугом бездельников, герцогиня почти не обратила на меня внимания. Не важно, она уже слишком стара для моих развлечений. Правда, ей нет еще тридцати, но, на мой вкус, для женщины это преклонный возраст. Благодаря хорошему питанию, на ее боках и груди обозначились заметные наслоения. Она выглядела физически крепкой дамой с темно-каштановыми глазами и такого же оттенка париком, как, собственно, и у всех, принадлежащих к роду Турн-и-Таксис. Почему все члены семейства носили парики одного цвета, мне было всегда непонятно.

Предполагаю, ее брак был тщательно продуманным и детально обговоренным. Она не венчалась до тех пор, пока ее будущему супругу не была обеспечена должность регента Сербии. Только после этого ее послали на другой берег Дуная сказать, что любовь причина всех страданий. А что могла знать эта глупая женщина о страдании? Ничего. Я бы мог рассказывать об этом годы, десятилетия, столетия, и моим рассказам не виделось бы конца и края. Но я рассказывать не могу. Некому.

– Как вы можете любить его? – спросила лизоблюдка, с, я бы сказал, отвращением. – Он далек от любого совершенства.

Мария Августа громко вздохнула и сказала:

– Я влюбилась не потому, что искала бесконечную силу, или совершеннейшую красоту, или чрезвычайную мудрость. Как раз наоборот, я полюбила его, когда заметила в его силе маленькую слабость, когда мне бросилась в глаза пылинка безобразия в его красоте, когда я слышала от него глупые, тупые мысли... – она замолчала, потом продолжила: – Слишком сильные, слишком красивые, слишком мудрые не могут быть любимы, это дань, которую они платят за все свои достоинства.

– Да, но... – начала было лизоблюдка, но тут же замолкла. Не знаю почему, может быть, поняла, что герцогиня права, а может, напротив, совершенно не могла согласиться с ее мнением.

Но зато барон Шмидлин не закрывал рта. И я подумал, а почему бы мне не присоединиться к его слушателям. Я понимал, что было бы очень хорошо завоевать полное доверие этого человека, а нет лучшего способа добиться чьей-то любви, чем внимать его речам. Это действительно странно, даже мне, такому старому, странно и необъяснимо, как легко люди обычное внимание отождествляют с любовью.

Тот молодой врач, Радецки, похоже, преследовал те же цели, что и я, он выразительно кивал головой и другими способами давал понять, что прилежно следит за тем, как Шмидлин злоупотребляет даром речи. Там же стояли и еще двое одетых по последней венской моде. Итак, можно было предположить, что барон Шмидлин оживленно беседует с членами истинной комиссии. Он, несомненно, наслаждался тайным знанием того, что существует еще и секретное доверенное лицо Его императорского величества, то есть я. Все то время, которое я провел среди этих типов, он всем своим видом свидетельствовал о том, что нет ничего, что люди любили бы больше и что приносило бы им такое наслаждение, как собственная убежденность в том, что ложь это правда. Этот Шмидлин просто расцвел благодаря нашему знакомству, чьи корни питались щедрым удобрением обмана.

Я подошел к ним, Радецки, увидев меня, вздрогнул. Барон Шмидлин с приветливой улыбкой поклонился и познакомил с доктором Радецким и двумя учеными, графами, имена которых я тут же забыл. Один был в светловолосом парике, второй в рыжем. Меня он, естественно, представил как графа фон Хаусбурга, остановившегося в Белграде по дороге в Ниш.

– Я как раз рассказываю молодым господам из Вены, как мы восстанавливали и перестраивали Калемегданскую крепость. Руководил работами генерал Доксат, вы встретитесь с ним в Нише. Именно он и предложил использовать для крепости проект гениального французского маршала Вобана.

– Вобан, Себастьян Ле Претр де Вобан? Вы говорите о маршале, которого наш принц Евгений Савойский поколотил, как только он прибыл? – спросил Радецки.

– Вот именно, – подтвердил барон, поправляя парик, который все равно сидел на его голове криво, – но не следует забывать, что маршал Вобан в свое время выигрывал каждое сражение. Он, вообще-то, по профессии был инженером и главной областью его деятельности было укрепление городов и их осада. Каждый город, который он осаждал, ему удавалось взять, и я хотел бы лишь напомнить вам, господа, что в свое время его добычей стали, в частности, Лиль, Маастрихт, Люксембург, при том, что каждый из городов, для которых он разработал фортификацию, сумел устоять перед неприятелем.

– То есть он мастер и обороны, и наступления, – включился в разговор я.

– Так ведь нужно знать, как наступают, – сказал Шмидлин, – чтобы знать, как этому сопротивляться. И, наоборот, нужно разбираться в обороне, чтобы ее прорвать. Генерал Доксат воспользовался всеми основными рекомендациями, предложенными маршалом Вобаном для успешной артиллерийской фортификации. В нашей библиотеке вы можете ознакомиться с небольшой книжечкой маршала об осаде и укреплениях, при условии, конечно, что знаете французский. Этот труд называется «*De l'attaque et de la defense des places*»¹. Напечатано в Париже, в этом году.

Он сделал паузу, потом продолжил:

– Так что завтра мы могли бы все вместе осмотреть крепость.

– Да, вы обязательно должны провести нас по всем укреплениям, – любезноотреагировал один из спутников Радецкого, тот, что был в светлом парике.

На эти слова Шмидлин вдруг хлопнул себя по лбу и сообщил:

– Чуть не забыл, завтра вечером у нас бал-маскарад. Это важнейшее событие светской жизни этой осени, и нет такого уважающего себя человека в Сербии, кто не появится в резиденции регента в маскарадном костюме и под маской.

– А не расскажете ли вы нам что-нибудь, связанное с причиной нашего прибытия сюда? – спросил другой ученый, под рыжим париком. Радецкий взглянул на меня, потом на Шмидлина, на фальшивого рыжеволосого, на фальшивого блондина и снова на меня. Барон многозначительным взглядом попросил моего разрешения, которое я и дал легким наклоном головы.

– Первые жалобы от сербов мы получили, если мне не изменяет память, осенью тридцать четвертого. Но мы не обратили на них внимания, посчитав бессмысленным суеверием. Затем были жалобы весной тридцать пятого, но мы снова их проигнорировали без какой-либо проверки. Однако незадолго до Рождества того же года у нас исчез один сборщик налогов, причем именно в тех краях, откуда поступало большинство жалоб. Мы списали это преступление на разбойников из крестьян, сербы их называют гайдуками, посчитав, что им ничего не стоило убить и ограбить человека, тем более сборщика налогов, который возвращался в столицу с собранными деньгами. Они не только изрядно разжились добычей, но еще и выросли в глазах своих соотечественников, отняв награбленное, каковым сербы считают налоги. Сборщика налогов сопровождала охрана из пяти солдат. Той ночью все они заснули, никого не оставив на часах. Они были пьяны, это мы установили без труда. Когда они наутро проснулись, ни сборщика, ни денег не было. Естественно, мы приказали немедленно обыскать и солдат, и их вещи, заподозрив их в сговоре с це-

---

¹ В русском переводе – «Книга о атаке и обороне крепостей» (Императорская Академия Наук, Санкт-Петербург, Российская империя, 1744 г.).

лью убийства и присвоения денег. Однако мы ничего не нашли, ни крейцера. Кроме того, если бы солдаты действительно это сделали, они не вернулись бы в Белград, а отправились в другой город пропивать эти деньги. И еще мы заметили, что ведут они себя очень странно. Стали тихими, бледными, обессилены. Перестали выпивать, а это уже очень серьезный признак. И вскоре мы сняли с них подозрения и пришли к тому, что это преступление следует отнести на счет сербских гайдуков.

– Можем ли мы поговорить с этими солдатами? – прервал барона Радечки.

– Ох, нет, дорогой господин Радечки. Вскоре после того, как все это произошло, их пришлось уволить со службы. Они были больше не способны с ней справиться. И я уверен, что все они давно покинули Белград. Но вы можете поговорить с их полковым врачом... Нет, простите, не можете, он переведен в Ниш, если не ошибаюсь. А в Нише, как вы знаете, ситуация тяжелая. Придется послать ему депешу с вызовом сюда. Хотя он все равно не сможет приехать. Не можем же мы оставить город без врача, когда нужно защищать его от турок. Говорят, что там сконцентрировано восемьдесят тысяч турок.

– Продолжайте же ваш рассказ, – с нетерпением проговорил я.

– Да. Итак, мы распорядились удвоить число солдат, сопровождающих других сборщиков налогов, и потребовать от них высочайшей бдительности, потому что считали необходимым решительно предотвратить повторное нападение гайдуков. И действительно, нападений больше не было. Так бы мы и жили дальше, удовлетворенные тем, что удалось искоренить зло, если бы не произошло нечто совершенно невероятное. Два наших сербских обер-капитана, находясь проездом в тех самых краях, совершенно случайно обнаружили в подвале одной корчмы тело сборщика налогов. Тело было... было... обер-капитаны там оказались прошлым летом... шесть месяцев спустя после исчезновения сборщика... и тело было... было...

Шмидлин постоянно поправлял свой парик, который все более и более бессмысленно топорщился на его круглой голове.

– Тело было... было...

– Да что же вы, говорите наконец, что там было с этим телом, я не могу больше этого терпеть, – вскричал я.

– Тело было... – его локоны торчали в разные стороны. – Тело было...

В этот момент кто-то взвизгнул. Я обернулся и увидел – парик. На полу. Темно-каштановый парик. Над ним стояла Мария Августа. Без парика. Ее волосы были седыми. Совершенно седыми. И короткими.

Эта женщина... Эта женщина, подумал я, действительно страдает. Ведь ей нет еще даже тридцати лет. А она совершенно седая. Совершенно.

– Что случилось? – спросил Радеcki.

– Не знаю, – ответил один из его спутников в париках.

Но эта женщина совершенно седая. Измученная душа. Душа.

Я не мог оторвать от нее взгляда. Подбежал слуга, поднял парик и попытался отдать его герцогине. Она, однако, не пожелала его взять. Повернулась и быстро вышла из зала. Ее уход был отнюдь не величественным, он был жалким и походил на бегство. Лишь после того, как она покинула зал, я нашел в себе силы снова повернуться к Шмидлину и врачам. Барон продолжал поправлять свой парик. И это меня нервировало.

Рыжеволосый ученый граф потянул носом воздух и сказал:

– Здесь чем-то воняет. Серой.

Радеcki, в отличие от меня, быстро взял себя в руки:

– Итак, тело было...?

– Тело было, – повторил Шмидлин, но я видел, что он вообще не думал, о чем говорит. Мне захотелось шлепнуть его по щеке.

– Прошу меня извинить. Мне необходимо кое-что... сделать, – сказал барон и в следующий же момент исчез.

Я попытался успокоиться. После всего, что узнал. Во-первых, обер-капитаны нашли тело. Тело. Следовательно, сборщик налогов был мертв. Это важно. Он был мертв. Во-вторых, обер-капитаны были живы. Шмидлин не сказал, что с обер-капитанами что-то случилось. В-третьих, у герцогини были седые волосы. Это меня не успокаивало. Это меня оскорбляло. Приняв во внимание все вышеуказанное, за исключением герцогини, у меня, естественно, не было оснований для тревоги. Может быть, только за исключением тела. Как же оно выглядело, если Шмидлин не мог произнести слова, которыми хотел его описать.

– Барон, по-видимому, вернется, – обратился ко мне Радеcki.

– Я на это надеюсь, – ответил я как можно любезнее.

– Что вы думаете? – снова спросил Радеcki.

– О чем?

– О том, что произошло с телом.

– Понятия не имею, – проговорил я.

– Я тоже, но, должно быть, что-то страшное.

– Вы же врач, неужели для вас осталось что-нибудь страшное?

– Не знаю. Вероятно, то, чего я еще никогда не видел.

– Вам следовало бы поговорить с обер-капитанами, – я попытался быть предупредительным.

– Безусловно, – произнес Радецки с отсутствующим видом.

Все куда-то делись. Герцогиня не возвращалась. Шмидлин тоже. Принц-регент вообще не появлялся. Мой вывод был, что хозяева ведут себя довольно странно. Я попытался ввязаться в несколько разговоров, но мне ничего не удалось узнать ни насчет того, как у герцогини свалился или же был стащен с головы парик, ни что вообще с ней произошло. Имел ли этот случай какую-то связь с ее несчастной любовью? Никто ничего не знал, или же не хотел ни о чем рассказывать. Хотя когда кто-то что-то знает, то чаще всего об этом и говорит. Не может сдержаться.

Заиграла музыка, начались танцы. Мне ничего не было видно из-за широких платьев дам. Я сел на стул и попытался решить, покинуть ли мне бал прямо сейчас или еще немного задержаться. Все-таки я надеялся услышать что-нибудь важное. Надеялся, что вернется Шмидлин и закончит начатый рассказ. Надеялся, что вернется герцогиня.

И она действительно вернулась. В точно таком же парике. Она была в отчаянии, хотя улыбалась. Между тем, что она чувствовала, и тем, что выражало ее лицо, простиралась пропасть под названием *noblesse oblige*². Я решил к ней приблизиться, но не заговаривать. В трудные моменты я избегаю разговаривать даже с теми, кого хорошо знаю, а что уж говорить о ней. Герцогиня села и подперла рукой подбородок. Некоторое время она просто смотрела на танцующих, ни на ком, как я заметил, не концентрируя внимания, а потом вдруг резко замахала веером, как будто ей внезапно сделалось жарко.

Веер был китайский, расписанный бамбуковыми чернилами. По середине веера проходила Великая китайская стена, разделяя его по горизонтали почти на равные части. В нижней части были изображены аккуратные рисовые поля с трудолюбивыми крестьянами по колена в воде. Совсем справа, ближе к ручке веера, чем к стене, передвигалась процессия каких-то официальных лиц, возможно, среди них был и сам император, но мне этого было не разглядеть. Крестьяне низкими поклонами приветствовали власть. Ниже нижнего ряда крестьян находился палец Марии Августы. Еще ниже была ее белая нежная рука.

По другую сторону от стены лежала пустыня, белизну которой портили только редкие, беспорядочно расположенные, кривые и узловатые растения.

На левой стороне поднимались скалистые горы, но было не вполне понятно, с какой стороны стены они находятся. Точно над ними черное солнце (веер был расписан чернилами только одного, черного, цвета) освещало-затемняло всю картину. Над солнцем и белым небом был бал, разноцветные платья, затянутые танцоры и музыка.

---

² «*Noblesse oblige*» – французский фразеологизм, в переносном переводе – «честь обязывает» или «положение обязывает».

Герцогиня сложила веер так же неожиданно, как и раскрыла, и в тот же момент ко мне подошел один из слуг и шепнул:

– Ваш слуга ждет вас снаружи. Говорит, дело чрезвычайной важности.

Могу себе представить, что это за важность. Попросить у меня в долг на очередную попойку. Я постоянно давал ему в долг. И потом вычитал из платы. Потом снова давал в долг. Как будто я банк. А здесь, в Белграде, мест, где можно налакаться, было много как нигде. Я слышал, в общей сложности двести. Выпивка подавалась на каждом шагу. Корчма «У черного орла» была, как говорили, лучшей в городе. Швабское пиво, венгерские вина, сербские ракии – все это ручьем лилось в глотки пьянчуг. И зачем я взял его в слуги? Худшего из всех, кого мог выбрать. Не только пьет и не только постоянно должен мне денег, но еще и наглец. Помню, я как-то ему рассказывал о том, как высмеял Беззубого. Беззубого. Беззуб бог о! Ловко. Так на чем я остановился? А, как-то раз, в Иерусалиме, в толпе, как раз был какой-то еврейский праздник, столкнулся я с Беззубым. Он меня, естественно, не узнал, но я узнал его сразу. И спрашиваю:

– А вот ты, в кого это ты такой беззубый? Мать твою я видел, у нее все зубы на месте, значит ты в отца. Хе-хе-хе. – А он мне отвечает...

– Погодите, хозяин, мы так не договаривались, – перебил меня тогда Новак.

– О чем это мы не договаривались?

– Мы договорились, что я буду вам служить, а не о том, что буду слушать ваши рассказы.

– А разве мои рассказы тебе не интересны?

– Честно говоря, нет. Кроме того, я не люблю, когда вы называете нашего Господа Беззубым.

– Господа?! Господа?! Твой Господь – я, причем за двенадцать форинтов.

– Нет! Вы хозяин, а Христос – Господь. Вы мой хозяин, а Христос – наш Господь.

Вот так он меня постоянно изумлял. Я имею в виду, мой слуга. Сербское дерьмо. Э-э, не дам ему ни гроша. Пусть сидит трезвым. Пусть помучается.

И пока я так молча негодовал, я снова увидел Шмидлина. Быстро подойдя к нему, я увлек его в слабоосвещенный угол. Не хотел, чтобы нас увидел Радецкий и два других идиота из комиссии.

– Барон, – сказал я ему, – расскажите мне до конца, что было с тем телом. Я должен это знать.

– Понимаете, на самом деле я тела не видел. В то время я был в Вене. Да, дело было в июле, и мы как раз заканчивали работу над Калемегданской крепостью. А она о-го-го сколько стоила, а я, понимаете ли, первый советник Палаты.

– Значит, вы не знаете, как выглядело тело?

– Да нет, знаю. Мне его описали. Хотя полностью быть уверенным я не могу, я же сам не видел. Понимаете?

– Понимаю, но расскажите мне то, что вы слышали.

Но стоило мне произнести эту фразу, как рядом с нами появился мой слуга. Мой неверный слуга.

– Хозяин, вы должны немедленно пойти со мной!

– Почему?

– Потому, что я нашел то, что вы ищете.

– Ты, болван, не знаешь, что я ищу.

Мы говорили по-сербски, и Шмидлин нас понять не мог.

– Знаю. Вы ищете вампиров!